

стнуется, что автор увлечен самим процессом «создания истории», обобщая и анализируя громадный источниковый материал. Это не просто хорошо – это единственно разумный путь постижения истории, независимый от вредного для науки «внеисточникового знания». Однако это же местами придает книге характер трудного для чтения источниковедческого и текстологического исследования, невзирая на доступный язык и литературно отлаженную структуру. Так что у автора еще остается немало работы. Теперь, по завершении реконструкции картины первоистории славян «по Алексею», мы имеем право ожидать от него исчерпывающего ответа на вопрос о ее соотношении со всеми остальными взглядами на историю Европы V–VIII вв.

А.П. Богданов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

С.Ф. Платонов. Собрание сочинений в шести томах. М.: Наука, 2010. Т. 1. 597 с.

Серьезное знакомство с творчеством писателя естественно начинать с обращения к собранию его сочинений. Только собранные воедино литературные произведения позволяют увидеть становление и развитие особого образа мира писателя, его философских идей, художественной манеры от первых, чаще всего несовершенных, опытов до зрелых творческих свершений. Ученые, которые пишут всю жизнь, и работы которых разбросаны по многочисленным изданиям, устаиваются, как правило, лишь списка научных трудов под конец жизни. А между тем, только из совокупности трудов, только обзревая творчество ученого как целое, можно понять эволюцию его мысли и метода. Без этого ссылки на его труды для подтверждения своего хода мысли или для спора, безразлично, будут одинаково вырваны из контекста и потому рискуют оказаться ложными. Любой серьезный исследователь заслуживает собрания сочинений, вне зависимости от того, были его идеи приняты последующими работниками науки или же нет. Творчество каждого имеет цену, прежде всего, как страница в истории науки и как попытка (всегда бесценная) приблизиться к истине.

Но пока можно ждать, по крайней мере, выхода собраний сочинений тех историков, которые признаются классиками, лидерами школ и научных направлений. Все профессионалы уже ощутили полезность и удобство

Примечания

¹ *Алексеев С.В.* Древние верования восточных славян. М., 1996; *он же.* История славян в V–VIII вв. Т. 1–2. М., 2002–2004; *он же.* Славянская Европа V–VI вв. М., 2005; *он же.* Ярослав Мудрый: Самовластец Киевской Руси. М., 2006; *он же.* Владимир Святой: Создатель русской цивилизации. М., 2006; *он же.* Славянская Европа VII–VIII вв. М., 2007.

² На русском языке: *Шафарик П.* Славянские древности. В 3 т. М., 1837–1848; *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956; *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *он же.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; *он же.* Происхождение древнерусской народности. М., 1999.

³ *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

⁴ Начальная летопись. Перевод, комментарий С.В. Алексеева. М., 1999; *Алексеев С.В.* Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. М., 2005; *он же.* Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М., 2006.

собраний трудов В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Научная значимость академического издания сочинений, снабженных вводными статьями и комментариями, общеизвестна. Теперь появился и первый том собрания сочинений С.Ф. Платонова – лидера петербургской исторической школы конца XIX – первой трети XX в. Собрание будет состоять из шести томов, в них войдут все научные труды ученого, в том числе до сих пор не опубликованные. Работа по подготовке издания осуществляется совместно Археографической комиссией РАН и Российской национальной библиотекой, где хранится архивный фонд Платонова. Хочется в этой связи вспомнить и имя покойного В.А. Колобова, издавшего превосходный каталог этого фонда, на который опирались издатели (Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог. СПб., 1994).

Первый том составлен В.В. Морозовым и А.В. Сиреновым при участии А.В. Мельникова. Подготовка издания заняла не один год, но и дала ощутимый научный результат. Том включает в себя две работы Платонова: не издававшийся ранее текст кандидатской диссертации «Московские земские соборы XVI и XVII веков» и монографию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» (магистерская диссертация).

В тот момент, когда к истории Земских соборов обратился Платонов, она была еще мало изучена, но стала объектом пристального внимания во второй половине XX в. и остается актуальной сегодня. Исследование Платонова отличает свойственная петербургской школе тщательность в изложении историографии вопроса и анализе источников. Составляя перечень собраний «всей земли», автор проявляет осторожность и опирается только на известия сопоставленных между собой и критически интерпретированных текстов. Платонов не столько изучал земский собор как государственный институт, сколько последовательно рассматривал сведения источников о собраниях «земли», многие из которых земскими соборами не признал. При этом он дал классификацию соборов, разделив их на «совещательные», «избирательные» и «приговорные». Его список земских соборов скромнее, чем тот, который предлагался впоследствии Л.В. Черепнинным. Платонов подчеркивает частую неполноту соборов, особенно в XVI в. Любопытно, что именно он обратил внимание на «войсковые» собрания в ополчениях 1611 и 1612 гг., в которых, по его мнению, впервые принимали участие представители многочисленных городов, тогда как ранее считалось достаточным присутствие разных «чинов». По поводу постоянного действовавших соборов царствования Михаила Федоровича Платонов писал: «Дума боярская...(оставалась ближайшим советом государя, а это наводит на мысль, что земскому собору были ведомы лишь особо важные дела». Видя в земских соборах «достойное проявление здорового народного духа» и «непосредственное единение верховной власти с народом», Платонов вместе с тем связывал их появление с недостаточностью средств государственного управления, которое полностью сформировалось только ко времени Петра I. Прекращение же созыва соборов он объяснял усилением приказной системы и возможностью вследствие этого пользоваться одними бюрократическими средствами, не прибегая к помощи «земства». Таким образом, эта ранняя работа Платонова по существу лежит в русле направления, которое подчеркивает слабость государственной власти в московский период, связывая с этим и появление земского самоуправления, и террор Ивана Грозного. В XX в. это направление было ярче всего представлено творчеством А.А. Зимина и ученых его школы.

Уже первое исследование показывает, как складывался интерес Платонова к Смуте, ставшей затем главной темой его изысканий, раскрывает формирование его знаменитой концепции о борьбе «общественной середины» и

верхов как стержне всей истории Московской Руси. А она повлияла на историографию русского средневековья сильнее, чем какая-либо другая.

Магистерская диссертация Платонова выдержала в свое время два издания, но давно уже стала библиографической редкостью. Между тем оказав колоссальное влияние на изучение книжности и политической истории XVII в., она не устарела до настоящего времени. В самом деле, хотя после ее выхода большая часть произведений древнерусской книжности, которым она была посвящена, исследовались более подробно, обобщающего труда, равного труду Платонова, так и не появилось. Автор изучил большое число рукописей, ранее совершенно не известных, открыл существование новых произведений, о которых до него не подозревали. И, несмотря на то, что теперь в научный оборот введено намного больше списков повестей о Смуте, чем было известно Платонову, в ряде случаев его оценки остались не опровергнутыми.

Однако эту книгу конечно нужно рассматривать вместе с докторской диссертацией Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.». Согласно академической традиции своего времени, он сначала написал работу об источниках, а затем на основе этих материалов создал труд по политической истории. В целом же, это одно продолжающееся исследование. К тому же, нарративные источники до сих пор являются важнейшими по изучению Смуты, хотя со времен Платонова баланс сильно сдвинулся в сторону документальных источников,

В приложениях к тому впервые публикуются вариант предисловия Платонова к магистерской диссертации и его студенческий реферат «Боярская дума в Московском государстве по исследованию Н. Загоскина». В написанном С.О. Шмидтом предисловии изложена творческая биография Платонова, объяснены структура и принципы собрания его сочинений. В археографическом послесловии А.В. Сиренова большой интерес представляет сравнительный анализ речи Платонова при защите магистерской диссертации и предисловия к ее первому изданию, а также примечаний ко второму изданию и рукописных маргиналий на одном из экземпляров первого издания. Кроме того, читатель найдет в книге перечень рукописей, упоминаемых Платоновым в диссертации с переводом шифров на современные, а также именной и географической указателями.

Остается только пожалеть, что в томе отсутствуют комментарии. По-видимому, это принципиальная позиция издателей, возможно, не желавших вторгаться в текст Платонова.

Только отчасти функции комментариев выполняет предисловие, имеющее в целом другую задачу. Между тем в каждом переиздании старых работ желательно видеть хотя бы небольшие аналитические статьи, раскрывающие значение данного текста для последующего изучения темы и ставящие ее в контекст историографии. Читателю важно иметь возможность сразу, не прибегая к справочникам, увидеть, что появились новые исследования, развивающие или опровергающие идеи публикуемого автора, а также новые издания источников. Обычно для этого используется двойная система сносок (сноски автора и сноски комментатора).

Тем не менее тщательно продуманное и выполненное на высоком научном уровне издание первого тома собрания сочинений С.Ф. Платонова – заметное явление в современной историографии. Этот том, адресованный не только специалистам, но и широкому кругу читателей, без сомнения, станет настольной книгой для всех, кто изучает историю Руси XVI–XVII вв., а также историю науки XIX–XX вв.

В.Г. Вовина-Лебедева,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский институт
истории РАН)

П. Паскаль. Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с франц. С.С. Толстого; Науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. М.: Знак, 2010. 680 с.; П. Паскаль. Пугачевский бунт / Пер. с франц. Л.Ф. Сахибгареевой; Науч. ред., коммент., вступ. статья И.В. Кучумова. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2010. 184 с.

Перу известного французского слависта Пьера Паскаля (1890–1983)¹ принадлежат 2 труда по российской истории XVII–XVIII вв., объединенные интересом к эпохам массовых оппозиционных движений и их лидерам. И хотя раскол Русской Православной Церкви и пугачевское восстание на протяжении последнего столетия изучались достаточно интенсивно, публикацию этих исследований в русском переводе без преувеличения можно назвать заметным научным событием². Такая оценка определяется тенденциями, в рамках которых сегодня развивается историческая наука. Дискредитация историософских построений и сугубо теоретического моделирования уже сформировала установку написания истории целого методом «избранных мест»³. Видимо, для того чтобы она не обрела дезинтегрирующих последствий, превратив прошлое «во множество миров, зависимость от разных идеологических перспектив»⁴, важен накопленный мировой наукой опыт по сочетанию макро- и микроисторических реконструкций. Этим, на наш взгляд, определяется современность предложенной П. Паскалем технологии анализа исторических эпох через биографии «народных бунтарей» – протопопа Аввакума и Емельяна Пугачева.

Обращение Паскаля к теме массовых протестных движений обусловлено не только былым увлечением социалистическими идеями и годами, прожитыми в Советской России. Во всяком случае, его воспоминания о знакомстве с текстом «Жития протопопа Аввакума» открывают скорее научные, нежели полити-

ческие или культурные истоки «французского славянофильства»⁵ первой трети XX в.: «Я начал читать книгу, и с самого начала она меня захватила. После почти интернационального языка современных журналов я столкнулся с чистым и сочным русским языком... Вместо сухой социологии, которая заменяла живую историю человечества сухими схемами, передо мной живо вырисовывался московский XVII век. Каким он представлялся мне разнообразным, то удивительно далеким, то столь близким двадцатому веку!» (Протопоп Аввакум... С. 32).

Именно в стремлении показать историю, «населенную» людьми, кроется обаяние книг Паскаля. Любопытно, что порой в его работах анонсируется вполне постмодернистская установка об авторском и читательском «удовольствии» как важнейшей задаче историописания, которая реализуется в структуре текста, отборе рассматриваемых сюжетов и названиях разделов. Этими особенностями исследовательского почерка книги французского слависта будут интересны не только историкам-профессионалам. В логике близкой ему концепции школы «Анналов», направленной на поиск констант человеческого сознания и поведения, Паскаль дает характеристику социальных, экономических, политических оснований российского общества XVII и XVIII столетий. В его изложении Россия предстает динамичным и вследствие этого социально и культурно неоднородным миром, где «свое» и «чужое» сосуществуют и видоизменяют друг друга, прежде всего на уровне повседневности.